

УДК 94 (47) 07; 378

TATIANA NIKOLAEVNA ZHUKOVSKAYA

*Ph.D. in History, Associate Professor,
Department of Russian History since Ancient History till the 20th century,
Institute of History, Saint Petersburg State University,
199034, Russian Federation, Saint-Petersburg, Mendeleev l., 5.
E-mail: tzhukovskaya@yandex.ru*

NATALYA VASILYEVNA DUBROVSKAYA

*Master's degree student, Institute of History,
Saint Petersburg State University,
199034, Russian Federation, Saint-Petersburg, Mendeleev l., 5.
E-mail: natascha.dubrowsckaya@yandex.ru*

The Noble Boarding School at St. Petersburg State University (1817–1830): organizational structure and daily life

The article is devoted to little-known pages of the early history of the St. Petersburg University, namely to one of its divisions, Noble Boarding School, acting in accordance with the educational strategies and the class politics of power in 1817–1830, first at the Main Pedagogical Institute in St. Petersburg, and then at the capital university. The archival material examines the personnel composition of the teachers and employees of the Noble Boarding School, the forms of its interaction with the university, the specific features of academic and daily life, and the results of the activities of this university unit.

Keywords: *history of the St. Petersburg University, Noble Boarding School, professors and students, nobility education.*

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА ЖУКОВСКАЯ

*Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России с древнейших времен до XX в.,
Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 5.
Тел.: (812) 328-94-48, e-mail: tzhukovskaya@yandex.ru*

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА ДУБРОВСКАЯ

*Магистрант Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 5.
E-mail: natascha.dubrowsckaya@yandex.ru*

Статья посвящена малоизвестным страницам ранней истории Санкт-Петербургского университета, а именно одному из его подразделений, Благородному пансиону, действовавшему в соответствии с просветительскими стратегиями и сословной политикой власти в 1817–1830 гг. сначала при Главном педагогическом институте в Петербурге, а затем при столичном университете. На архивном материале рассмотрен кадровый состав преподавателей и служащих Благородного пансиона, формы его взаимодействия с университетом, особенности учебной и повседневной жизни, итоги деятельности этого университетского подразделения.

Ключевые слова: *история Санкт-Петербургского университета, Благородный пансион, профессора и учащиеся, элитарное образование.*

Благородный пансион при Санкт-Петербургском университете (1817–1830 гг.): организационная структура и повседневная жизнь

Летопись Санкт-Петербургского университета (СПУ) создавалась не одним поколением историков, однако история Благородного пансиона (далее – БП), существовавшего при университете до 1830 г., до сих пор в эту летопись не вписана. В трудах, посвященных ранней истории университета, сведения о БП довольно фрагментарны, между

тем он существовал в течение 13 лет как *подразделение* университета, а многие университетские профессора и адъюнкты преподавали одновременно и в университете, и в БП.

В историографии российского образования учебные заведения подобного типа, как правило, рассматривались изолированно от истории универ-

ситетов за редкими исключениями, какими являются, например, работы по истории Благородного пансиона при Московском университете, действовавшего еще в XVIII в. В последнее время даже наметилась явная тенденция к противопоставлению благородных пансионов первой трети XIX в. – университетской организации. Так, Ю.А. Диссон соотнесла благородные пансионы при университетах с лицами и вписала их в иерархию элитных учебных заведений «особого типа», игнорируя факт их встроенности в систему управления и преподавания университетов, при которых они существовали, а также общий кадровый состав преподавателей-предметников [1; 2, с. 125–142]. Эта позиция представляется уязвимой. Исследовательница выстраивает иерархию учебных заведений «особого типа», в которой их главным классифицирующим признаком определен не уровень и структура преподавания, а класс по Табели о рангах, присваиваемый их выпускникам. При таком подходе оказывается, что диплом университета занимал в первой трети XIX в. едва ли не последнее место в иерархии.

История лицеев в системе образования Российской империи сама по себе неплохо разработана, что дает нам обширный сравнительный материал [3; 4; 5].

История же столичного университетского БП получила специальное отражение лишь в юбилейном издании, посвященном Первой петербургской гимназии, в которую пансион был преобразован в 1830 г. [6].

Со своей стороны историки Петербургского университета обращали внимание на отдельные эпизоды и конфликты вокруг БП, когда в них вовлекались университетские преподаватели. Например, на «фронду», обнаруженную в пансионе незадолго до того, как в университете было развернуто «дело профессоров», приведшее к увольнению нескольких преподавателей по идеологическим мотивам. Е.М. Косачевской были подробно изложены мотивы и хроника «бунта» в БП, связанного с недовольством учеников заменой преподавателей и установлением «рутинного, пошлого и устарелого преподавания по самым жалким курсам» [7, с. 8]. Исследовательница, вслед за современниками тех событий, не отделяла инцидент в пансионе и репрессии по этому поводу от общеуниверситетских контрреформ 1821–1822 гг., связанных с именами попечителя учебного округа Д.П. Рунича и министра народного просвещения А.Н. Голицына [8, с. 116–135].

В новейшее время история БП при Петербургском университете представлена лишь в популярных очерках и на сайтах по истории Петербурга [9, с. 30–31; 10].

Настоящая статья представляет собой попытку реконструкции организационной структуры БП, состава его преподавателей и питомцев, а также форм его административного, социального и научно-учебного взаимодействия с Петербургским университетом. Это позволит точнее определить место БП в структуре и истории С.-Петербургского университета. Наши наблюдения строятся в основном на

малоизученном архивном материале, отражающем состав преподавателей, учащихся и служителей, особенности учебной и внеучебной повседневности университетского пансиона, а также его репутацию в столичном обществе.

Использованные нами документальные комплексы, отражающие историю БП в ее связи с историей Петербургского университета, хранятся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) и Рукописном отделе Института русской литературы РАН (РО ИРЛИ РАН). Документы ЦГИА СПб, имеющие отношение к истории БП, крайне разрознены, они отложились не только в одноименном фонде № 67 (Благородный пансион при Санкт-Петербургском университете), но также в фонде № 13 (Санкт-Петербургский Главный педагогический институт, 1804–1859), фонде № 14 (Императорский Петроградский университет), фонде № 139 (Канцелярия попечителя Санкт-Петербургского учебного округа), фонде № 114 (Первая Петроградская мужская гимназия).

Систематизируя делопроизводство университетского БП, можно заметить, что, во-первых, оно распределено по указанным четырем фондам довольно произвольно, что, по-видимому, является следствием особенностей хранения и упорядочения архива БП архивистами XX в., поскольку ранее, судя по всему, он составлял органичную часть общеуниверситетского архива (об общеуниверситетском архиве в XIX в., включавшем документацию всех подразделений университета и его предшественников см.: [11, с. 114–164]). В самих названных фондах, особенно № 67, материал сгруппированный достаточно произвольно, встречаются неатрибутированные дела, в плохом физическом состоянии: присутствуют следы горения, плесень, вырезанные листы. Некоторые дела по БП сшиты вместе с делами университета. Лучшей сохранностью отличаются те дела, которые попали в фонды университета или канцелярии попечителя, многие из них микрофильмированы. Восполнить лакуны в истории университетского БП позволяют документы из личного фонда его воспитанника Николая Андреевича Маркевича, хранящегося в Рукописном отделе ИРЛИ РАН (ф. 488). Для нас наиболее ценным источником является его «Журнал, записки и воспоминания 1817–1820 гг.» [12], поскольку этот источник охватывает период обучения Маркевича в БП. Это не мемуары в собственном смысле, а лишь наброски к воспоминаниям, которые автор рассчитывал написать впоследствии. Поэтому в своих «Записках» Маркевич лишь кратко излагает то, что происходило с ним во время обучения в пансионе.

Кроме того, в архиве Маркевича сохранился план дома БП, датированный 1819 г. [12, л. 24] и «Ведомость об успехах и поведении пансионера 3 класса Николая Маркевича за август и сентябрь 1819 г.» [12, л. 26]. Поскольку учебных планов БП не сохранилось, «Ведомость» Н. Маркевича является единственным источником, на основании которого возможно реконструировать содержание и ход учебного процесса.

Благородный пансион при Главном педагогическом институте (ГПИ) был открыт 25 августа 1817 г. К тому моменту в Российской империи уже существовали учебные заведения «особого типа», в том числе университетские БП. Старейшим можно назвать Благородный пансион при Московском университете, открытый еще в XVIII в. Действовали Демидовское училище в Ярославле, Царскосельский лицей и Благородный пансион при нем. В 1820 г. открывается лицей князя Безбородко в г. Нежине, тем самым завершая складывание системы элитарных учебных заведений, главной целью которых являлась подготовка квалифицированных бюрократов и последовательная мобилизация представителей дворянства в профессиональную государственную службу. Еще на одно обоснование открытия БП ГПИ указал О.Б. Островский, считая, что его создание связано с попыткой преодолеть «засилье» иезуитских образовательных учреждений в столице империи, в которые, как правило, принимались юноши из богатых аристократических семей и образовывались в духе вольтерьянства и свободомыслия [13, с. 7–20]. Правительству Александра I в период религиозных исканий и реформ 1810-х – начала 1820-х гг. расширение сети БП при государственных университетах, лицеях и гимназиях представлялось мерой, способствующей «христианизации» системы дворянского воспитания и одновременно усилению идеологического и нравственного контроля за дворянством.

Благородные пансионы в первой трети XIX в. действительно были открыты не только при существовавших тогда в России университетах, но и при лицеях, а также при многих губернских гимназиях [14, с. 236–259]. Роль университетских БП как закрытых сословных учебных заведений заключалась в том, что помимо широкой общеобразовательной подготовки, необходимой будущим государственным гражданским и военным чиновникам, они обеспечивали «благородное» воспитание для дворянских отпрысков, востребованное элитой сословного общества. В то же время существование данного типа учебных заведений вписывалось в общую просветительскую стратегию правительства, заинтересованного в увеличении притока слушателей в университеты и повышении авторитета университетов в глазах дворянства. Статус выпускника университетского БП был весьма высоким в столичном обществе.

БП при Главном педагогическом институте и Петербургском университете состоял под особым покровительством министра народного просвещения и непосредственно подчинялся попечителю столичного учебного округа, как и сам ГПИ, на который не распространялись университетские уставы 1804 г. Однако директор БП, согласно уставу ГПИ 30 декабря 1816 г., являлся одновременно директором самого Института. В 1816–1824 гг. эту должность занимал Дмитрий Александрович Кавелин, близкий министру народного просвещения А.Н. Голицыну.

После распространения на столичный университет в 1824 г. устава Московского университета,

как принято считать, должность его директора была упразднена. Точнее было бы сказать, что она стала совмещенной. В ЦГИА СПб нами были обнаружены формулярные списки чиновников БП за 1830 г. Среди них формуляр Петра Ивановича Бернарда (1783–?) – отставного полковника корпуса инженеров, в прошлом – одного из строителей Кронштадтских фортов. После оставления военной службы в 1825 г. П.И. Бернард возглавлял Высшее училище, т. е. бывшую Академическую гимназию (с 5 марта 1827 г.), а с октября 1828 г. по предписанию министра народного просвещения исполнял должность директора училищ Санкт-Петербургской губернии.

3 декабря 1829 г. П.И. Бернард был переведен на должность директора университетского БП, которым и руководил последний год его существования до преобразования в гимназию в 1830 г. [15, л. 5–6 об.]. В назначении П.И. Бернарда во главе элитных учебных заведений столицы и училищ Петербургской губернии отразился характерный принцип кадровой политики николаевского царствования – привлекать на гражданские должности отставных военных, отличившихся верностью императору. Таковых было много среди военных инженеров, состоявших под личным покровительством Николая Павловича, еще великого князя.

Что касается жалования директора БП, то оно назначалось по решению министра народного просвещения [16, стлб. 295]. В примерном штате БП за 1826 г. жалование директора показано в 3 000 руб., не считая полагающихся ему 3 000 руб. столовых денег [17, с. 78]. Иначе говоря, жалование директора БП СПУ вдвое превосходило жалование ректора университета и действующего профессора, не превышавшее в то время 2 500–3 000 руб. Это соответствует социальной дистанции между сословным учебным заведением и всесословными, какими в то время были российские университеты.

Инспектор пансиона назначался министром народного просвещения, а его помощник – попечителем Санкт-Петербургского учебного округа. Директор пансиона, инспектор и его помощник составляли Правление БП, которому вверялось внутреннее управление и контроль за его деятельностью. Одной из важных функций Правления был прием воспитанников.

В БП принимались юноши с 7 до 17 лет из дворянских семей. Окончившие курс в пансионе, смотря по их успехам, могли претендовать на получение максимального X класса по Табели о рангах. Иначе говоря, служебный статус выпускников БП был выше, чем у выпускников самого университета, которые при окончании получали максимальный XII чин, причем только если оканчивали университет кандидатами. Окончившие университет в звании действительного студента могли вступить в службу только с чином коллежского регистратора, т. е. XIV классом. Это неравенство отражало сословные критерии в организации госслужбы первой трети XIX в., которые ставились выше профессиональных качеств и способностей.

Нельзя в этой связи не коснуться вопроса об условиях поступления в БП столичного университета. В «Положении» о пансионе ничего не сказано о проведении вступительного испытания, ни о чем подобном не упоминают в опубликованных мемуарах бывшие его воспитанники М.И. Глинка и И.И. Панаев. Однако среди делопроизводственных материалов БП нами было найдено исполнение предписания министра народного просвещения, в котором говорится о порядке приема воспитанников в БП и выдачи аттестатов кончившим курс в пансионе за 1827 г. [18, л. 1–3]. В этом документе, в частности, описан порядок проведения вступительных испытаний, который отражает дифференцированный подход к знаниям и способностям поступающих и строгий и всесторонний характер их оценивания.

Все пансионеры по отношению к источникам, из которых оплачивалось их обучение, делились на своекоштных, т. е. тех, за кого вносили плату родители, стипендиатов императора или членов императорской фамилии, и «экономических» – тех, кто обучался «из экономических средств заведения». На последнюю категорию пансионеров стоит обратить более пристальное внимание. Определение в БП казенных воспитанников, находящихся на особом положении происходило по распоряжению министра народного просвещения. В первый раз такое произошло в 1819 г., когда в пансион были определены два сына инспектора казенных университетских студентов. Принимать «экономических» пансионеров возможно было только при наличии не менее 100 своекоштных воспитанников [19, л. 10 об.].

В год открытия в пансион было принято всего 49 человек, из них подавляющее большинство составляли своекоштные. Павел Раншалов числился стипендиатом императорской фамилии.

Распоряжениями министра народного просвещения от 26 июля 1826 г. и от 23 апреля 1827 г. число воспитанников, определяемых в пансион за счет экономических средств БП, было ограничено. По состоянию на 1828 г. в пансионе находилось: на иждивении Государя Императора и Высочайшей фамилии 13 человек из числа обучающихся; на содержании родителей – 91, и за счет сумм пансиона 4 человека, итого 108 воспитанников [6, с. 30].

Архивные материалы ЦГИА СПб, касающиеся учебного процесса в БП, представляют собой разрозненные документы, зачастую не атрибутированные, а иногда и плохой сохранности. Исходя из этих данных, и малочисленных историографических сведений описать учебный процесс не представляется возможным. Однако в «Положении» об организации БП при ГПИ говорится о том, что БП учреждается по образу Царскосельского лицея [20, стлб. 830]. Формулировка эта достаточно обща и требует детализации. Есть основания утверждать, что за основу была взята именно царскосельская модель преподавания, однако, но не самого лицея, а Благородного пансиона при нем (БП ЦС), открытого 27 января 1814 г. Впервые, два пансиона были открыты с разницей в три года, во-вторых, цели, закрепленные в «Положениях»

об их учреждении, определяются сходным образом. Так, в «Положении» о БП ЦС цель его определена «двоякая: устройство в нем рассадника для Царскосельского лицея, доставление нового способа дворянству для приличного званию сему воспитания» [5, кн. 5, с. 135]. Во 2-м параграфе «Положения» для БП при ГПИ о его цели сказано похожими словами: «Пансион будет иметь двоякую цель: 1. Приготовить воспитанников к слушанию лекций при Главном педагогическом институте и других университетах; 2. Образовать их к службе гражданской, согласно высочайшего указа 6 августа 1809 года». [16, стлб. 294]

В-третьих, для обоих заведений характерен широкий возрастной диапазон воспитанников, поделенных на «возрасты» или классы. Воспитанник университетского БП Николай Маркевич отмечал, что среди 130 воспитанников первого набора преобладали дети 8-9 лет, но были и 13-16-летние и даже двое 18-летних [21, с. 31]. Среди пансионеров БП ЦС лицея А.Д. Егоров также выделяет 3 возраста: младший (8–10 лет), средний (10–13), старший (13–18) лет [5, кн. 5., с. 120]. При этом старшие ученики университетского БП имели возможность слушать лекции по политической экономии, философии, истории и праву вместе со студентами университета. Эти предметы, впрочем, до конца 1821 г. все равно читались в пансионе университетскими профессорами: М.А. Балугьянским (ректором университета), А.И. Галичем, Э. Раупахом, А.П. Куницыным.

Уровень преподавания и учебные программы двух пансионов были схожи. Опираясь на одну программу, возможно реконструировать другую, подкрепляя свою гипотезу архивными данными. Скорее всего, младшие возрасты в университетском БП учились по программе БП ЦС, старшие – по основной программе лицея. Интересную идею высказала Н.Н. Аутова, которая, опираясь на отзывы современников, пишет, что ЦС воспринимался как прямой продолжатель традиций БП Московского университета [22, с. 157].

Приведем еще один аргумент в пользу тезиса о близости программ БП Московского, а значит, и Петербургского университетов с программой БП ЦС. В ф. 13 ЦГИА СПб сохранился журнал для записывания лекций, преподаваемых ученикам, поступающим в БП при ГПИ, который, вероятно, составлялся дежурным комнатным надзирателем или гувернером. Ведение подобных рукописных журналов характерно для учебных заведений XVIII в. Первая запись в нем датирована 18 апреля (год не указан). Учебный день начинался со священной истории, стоявшей в расписании от 8 до 9½. Из которой, как сказано, «ничего не было преподаваемо, но означенные часы заняты были изъяснением молитвы, чтением поочередно одним из учеников перед начатием учения». После этого преподавалась «русская грамматика от 9½ до 11 часов. Разбирали понятие имени существительного, его различая по сути предметов: одушевленные и неодушевленные, разделение имен существительных, означающих их чувственный предмет: собственные, нарицательные, собирательные» [23, л. 21]. Занятия были продолжены с 2 часов пополудни

классом греческого языка. На нем «было объяснено начертание и выговор всех букв вообще и частные замечания о произношении и письме некоторых». Последним занятием был снова греческий язык, с 3 до 4 часов. Часть воспитанников (Лебединский, Латвешев, Благовещенский и Овчинников) перевели статью из книги, для другой части класса было «показано начертание и выговор букв, их разделение, произношение; о частях речи, об имени вообще, о имени существительном, роды имен, общие правила родов» [23, л. 21].

Опираясь на «Ведомость об успехах и поведении» [24, л. 26] пансионера III класса Николая Маркевича, можно реконструировать список предметов, читаемых в младшем, III классе БП. Среди предметов значатся: логика и мораль, естественная история, греческий язык, закон Божий, математика, история, география, и языки латинский, российский, французский, немецкий, английский. Стоит отметить явный гуманитарный уклон в реестре предметов. В целом, качество знаний воспитанников, учитывая их возраст, не было высоким. И.П. Кулакова применительно к БП Московского университета заключает, что «как сословное учебное заведение... он имел все признаки привилегированности в программах и предметах: широко, но не глубоко» [25, с. 161]. Преподаватели БП при ГПИ и Петербургском университете также жаловались на то, что уровень знаний не соответствует тем привилегиям, которые получали выпускники. И.И. Панаев вспоминает: «Некоторые профессора университета и учителя не скрывали по этому поводу своего негодования и высказывали его очень резко, особенно на экзаменах. Они пожимали плечами, покачивали головами и справедливо замечали, что награждать университетскими привилегиями таких неучей, как мы – вопиющая несправедливость» [7, с. 28]. Думается, именно отсутствие ожидаемых академических успехов и в то же время социальная напряженность, обусловленная конфликтами, в том числе на сословной почве, в стенах БП в значительной мере послужила поводом к преобразованию БП в гимназию 1830 г.

Деятельность БП, отраженная в источниках, открывает специфические формы социальных взаимоотношений в его стенах: конфликты на сословной почве между преподавателями (недворянами) и воспитанниками, беспорядки, в основе которых властями были усмотрены не только дисциплинарные нарушения, но и политическая подоплека. При этом «семейный стиль», присущий тогдашнему университету в силу его малочисленности и замкнутости, распространялся и на университетский пансион, с 1822 находившийся с университетом в одних зданиях у Семеновских казарм, на городской окраине. Отсюда – попытка профессоров представить конфликт в пансионе, открывшийся в последний год попечительства С.С. Уварова, как невинную шалость, оправдать учеников и их наставников.

20 января 1821 г. директор пансиона Д.А. Кавелин донес попечителю С.С. Уварову о произошедших в пансионе беспорядках [17, с. 131]. В частности, он

сообщил о том, что «в 3 классе Университетского пансиона, который, предположив принудить переменить в нем учителя Пенинского, два раза погасил в нем свечи, производил шум и другие непристойности, и что начинавшего пансионера [Льва] Пушкина и участвовавшего более других, замеченного с нехорошей стороны в прочих случаях, Верховского» Кавелин выслал из пансиона. Вчера поутру, продолжает директор, «нашел я в классе сем между некоторыми нераскаянность в сем поступке их и принужден был некоторых наказать. Сие возбудило некоторый ропот в их товарищах» [17, с. 131]. Оба зачинщика были исключены из числа пансионеров, остальные предупреждены, «ропот» пресечен предложением коллективно просить прощения.

В чем же крылась причина этих «беспорядков»? Их правомерно рассматривать как отголосок общественных конфликтов «взрослого» Петербурга. В мае 1820 г. поэт А.С. Пушкин был выслан из Петербурга, на что его лицейский товарищ В.К. Кюхельбекер, преподававший словесность в БП, откликнулся стихотворением «Поэты», в котором воспевает друга. Кюхельбекер в августе 1820 г. подает в отставку, ссылаясь на проблемы со здоровьем. Его заменяют новым учителем Иваном Пенинским. В ЦГИА СПб сохранился журнал Испытательного комитета ГПИ, назначенного для экзаменования губернского секретаря Пенинского в удостоверение «имеет ли он достаточные познания для преподавания латинского и русского языка». Экзамен проходил 2 марта 1818 г. в течение трех часов. Среди экзаменаторов были ординарные профессора-филологи Федор Богданович Грефе, Яков Васильевич Толмачев, историк Эрнст Раупах и экстраординарный профессор Никита Иванович Бутырский. Комиссия заключила из ответов г-на Пенинского «как письменного, так и словесных приложенных под буквами «А» и «В»», что в латинском и русском языках он имеет очень хорошие познания, которые «совершенно соответствуют будущему его назначению» [26, л. 2]. Тем не менее воспитанники пансиона с неудовольствием встретили приход Пенинского на место любимого ими Кюхельбекера. Эта мера, последовавшая за увольнением из Царскосельского лицея и университета А.П. Куницына и запретом использовать в преподавании его книгу «Право естественное», учениками была истолкована как продолжение чистки аудиторий от «вольномыслящих», а их реакция придала этой истории политический окрас.

Е.М. Косачевская считала, что «бунт» (именно так именовалось в официальных документах это событие) в БП стал продолжением, ранее прокатившихся по дворянским учебным заведениям беспорядков. Н. Маркевич сообщает, что пансионеры хорошо знали о таких событиях как «заговор в Конюшенном училище (реформаторском училище на Б. Конюшенной ул. – Т.Ж., Н.Д.) против начальства», бунт кадетов Пажеского корпуса в 1818 г., который «сопровождался битьем стекол». Мемуарист упоминает, что, в 1819 г. в Царскосельском лицее также происходили «вреднейшие беспорядки по части учебной

и нравственной». [21, с. 41]. Знали пансионеры и о «бунте» Семеновского полка в октябре 1820 г., который произвел в Петербурге большой общественный отклик. Об этом пишет Е.М. Косачевская, основываясь на воспоминаниях Н. Маркевича. Однако к тому моменту мемуарист уже покинул пансион для того, чтобы вступить в военную службу.

Последствия не заставили себя ждать. 26 февраля 1821 г. из пансиона был исключен Лев Пушкин, вместе с ним «высланы» (исключены) Павел Верховский, Василий Литвинов, и Александр Шипилов [17, с. 416–422]. Однако наведение порядка не ограничилось исключением воспитанников. Правительство всерьез решило реформировать пансион. В представлении попечителя министру от 2 марта 1821 г. о распоряжениях по пансиону в связи с происшедшими в нем беспорядками значилось: изменение учебной части из-за большого числа предметов и «не соответственного их распределения», увеличение количества комнатных надзирателей до 10 человек, отпущение на выходные к родителям и родственникам не чаще раза в две недели [17, с. 430]. Ужесточая режим и изменяя программу преподавания, состав преподавателей правительство принимало все возможные меры для того, чтобы предотвратить новые беспорядки. Репутация пансиона сильно пострадала, что привело к сокращению числа учеников с 114 в 1821 г. до 63 в 1825 г. [8, с. 134]

Случались и конфликты среди пансионеров. Так, Николай Маркевич вспоминает свой первый день в БП, когда «какой-то черномазый, лет 13 мерзавчик» несколько раз ущипнул его. В ответ мемуарист схватил обидчика за зуб, «мял, мял, мял, так чтобы затылок затрещал», а после этого столкнулся с пригорка, на котором происходила сцена. Это событие привело в восторг всех воспитанников, а Маркевич сделался популярным. Ко всем соученикам он обратился с речью: «Господа! Я рад быть в приязни со всеми добрыми товарищами. Если кто-то станет меня задевать, управлюсь сам, не жалуясь. Друзей стану защищать как самого себя. Но скажите, кто этот Пумперникель? (обидчик. – Т.Ж., Н.Д.). Ведь он мне соврал фамилию» [27, л. 6 об. – 7]. Обидчиком оказался пансионер граф Ипполит Кутайсов, внук павловского фаворита. Зарисовка из «Воспоминаний» Маркевича ярко иллюстрирует взаимоотношения между пансионерами, подчеркивая, как важно было в первые дни завоевать авторитет, не считаясь с социальной дистанцией между аристократами и «неродовитыми». Кстати, после этого случая за Маркевичем закрепилась кличка «Медведь», а за Ипполитом Кутайсовым «Пумперникель».

Как правило, историки, описывая деятельность какого-либо учебного заведения, подробно представляют его административное устройство, систему управления, финансовую сторону, учебную и внеучебную повседневность. Это формирует объемную картину функционирования учебного учреждения. Но и мемуаристы, и университетские историки, за немногими исключениями, обходили вниманием взаимоотношения студентов и служителей учебного

заведения, не входящих в число преподавателей, основную массу которых составляли «университетские инвалиды»: швейцары, сторожа, трубочисты, истопники, а также комнатные надзиратели [28]. Их штат в БП был немалым, многие служили одновременно в БП и университете. Все они представляют своеобразную группу «маленьких людей» университета, вписанных в «семейный стиль» отношений и в университетскую повседневность. Их имена и формуляры сохранились лишь во внутреннем делопроизводстве, в составе фонда пансиона (ф. 67) в ЦГИА СПб [29].

Как правило, университетскими «инвалидами» становились отслужившие положенный срок нижние армейские чины, желающие или вынужденные продолжить службу по вольному найму. Однако в делопроизводстве встречаются документы, говорящие о том, что в пансионе в статусе инвалидов состояли и сравнительно молодые люди, кто не отслужил положенных 25 лет или же дослуживал этот срок, уже находясь в штате БП и университета. Обычно университетские инвалиды служили в пансионе вместе с членами семейств, многие жили на территории пансиона, а их жены («солдатки») также работали при БП. Вся жизнь их становилась неотъемлемой частью жизни Пансиона, а пансион брал ответственность и за семейства служителей. По формулярам видно, что возраст детей «инвалидов» не превышает пяти-шести лет, на этом основании можно заключить, что социальное положение университетских инвалидов находилось на таком уровне, при котором они могли содержать не только себя, но и свою семью. Многие женились уже после того как поступали на службу в университет, т. е. уже выйдя в отставку или будучи уволенными из строевых частей по здоровью.

Об облике и повседневной жизни университетских инвалидов можно судить по тем прошениям и рапортам, которые они подавали через эконома пансиона в Правление университета. Так, в 1822 г. эконом Крапцов докладывал, что «состоящий при оном пансионе инвалид Терентий Смирнов просит об увольнении его в домовую отпуск для свидания с родителями» [30, л. 5]. Смирнову 10 мая 1822 г. был выдан документ, удостоверяющий личность – билет, в котором говорится, что он «отпущен в Ярославскую губернию Пошехонский уезд в деревню Матееву для свидания с родственниками» сроком на 3 месяца. В билете приводится возраст и описание внешности Терентия Смирнова: «росту двух аршин шести вершков, волосы на голове темно-русые, нос прямой, глаза карие, бороду бреет, от роду 29 лет. По прибытии на родину Смирнов обязан был явиться к местным властям с этим билетом и встать на учет. Он так и поступил, о чем свидетельствует подпись под билетом волостного старосты Якова Михайлова [30, л. 6].

Практика отпусков применялась не только к самим университетским инвалидам, но и к членам их семей. Так, жена служащего при БП инвалида Николая Харапчина, Акулина Семеновна с шестилетней дочерью Еленой, отправились с ведома начальства

в Ярославскую губернию сроком на 4 месяца [30, л. 19]. Материалы о служителях университета свидетельствуют, что их состав был неоднороден. Прием на службу и увольнение осуществлялось решением попечителя учебного округа, по представлению Правления БП. Так, 11 ноября 1822 г. попечитель Д.П. Рунич разрешил увольнение за выслугою лет, по прошению, находящегося при пансионе инвалида Егора Михайлова и одновременно отклонил прошение об увольнении Дениса Кожухова «за неистечением срока службы» [30, л. 15]. В 1827 г. в правление отсылается список инвалидов, не выслуживших законные 25 лет [29, л. 22]. Таким образом, университетские инвалиды – это и солдаты, переведенные в университет из корпуса внутренней стражи, которые все еще считались на действительной службе, но не могли больше находиться в строевых частях и дослуживали положенный срок при университете, – и те, кто уже вышел в отставку, но решил продолжать службу по вольному найму.

Еще одна категория служителей БП – гувернеры. Гувернеров набирали из числа студентов университета, как правило, уже окончивших курс. С.В. Рождественским был опубликован список казеннокоштных студентов Петербургского университета, которых по предложению Д.П. Рунича «изъяли из университета» (т. е. прекратили им содержание как студентам) для определения в гувернеры. Этот документ относится ко времени прожектерских решений и откровенно репрессивных действий Рунича по управлению университетом, когда в 1821–1822 гг. после «дела профессоров» и увольнения лучших преподавателей, обвиненных в вольнодумстве и «безбожии», попечитель организовал и «разбор» студентов. Те из них, кто завершал обучение, были срочно выпущены с аттестатами, а признанные неспособными исключены [17, с. 309].

Кроме того, возможно было совмещение должности преподавателя и гувернера. Так, В.К. Кюхельбекер преподавал словесность в младших классах БП, одновременно выполняя обязанности гувернера.

Служебные привилегии, дух элитарности и одновременно высокий уровень подготовки, обеспеченный чтением учебных предметов университетскими профессорами, – все это в совокупности делало для столичной дворянской молодежи обучение в БП более привлекательным, чем слушание основного курса в университете, где вплоть до конца 1820-х гг. преобладали казеннокоштные студенты, в значительной части вышедшие из духовного звания, «поповичи». Отсюда странное, на первый взгляд, положение, что в годы расцвета университетского БП численность студентов в самом Петербургском университете была минимальной, а в 1822–1826 гг. не превышала 100 человек. То есть университетский пансион, более многочисленный и престижный, оттягивал на себя тех, кто мог себе позволить учиться за собственный счет. БП и университет представляли собой сообщающиеся сосуды. Закрытие БП и превращение его в обычную гимназию с невысоким статусом выпускников автоматически увеличило число дворян, желавших поступить в столичный университет.

Дальнейший рост авторитета университета в глазах «первенствующего сословия» в 1830-е гг. поддерживался целенаправленными мерами правительства по совершенствованию уровня преподавания, отбору и целевой подготовке профессорских кадров, учреждению различных стипендий для студентов, усилению дисциплинарного и нравственного надзора за ними. На следующем этапе реформирования университетов Российской Империи все БП были исключены из их состава как дорогостоящие и уже определенно архаические конструкции.

Литература и источники

1. Диссон Ю.А. Лицеи и благородные пансионы в системе народного просвещения России в первой трети XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2008. 26 с.
2. Диссон Ю.А. «Благородная альтернатива» российским университетам: лицеи и университетские пансионы в России (конец XVIII – первая треть XIX вв.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2007. № 4. С. 125–142.
3. Кобеко Д.Ф. Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы 1811–1843 гг. СПб.: Тип. Киришбаума В.Ф., 1911. 546 с.
4. Голицын Н.С. Благородный пансион Императорского Царскосельского лицея 1814–1829 гг. СПб.: Тип. О.В. Ландсберг (Бакста), 1869. 345 с.
5. Егоров А.Д. Лицеи России. Опыт исторической хронологии: в 5 кн. Кн. 1: Ришельевский лицей; Кн. 2: Лицей кн. Безбородко; Кн. 3: Демидовский юридический лицей; Кн. 4: Лицей в память цесаревича Николая (Катковский лицей); Кн. 5: Императорский Александровский (бывший Царскосельский) лицей. Иваново: Иванов. инж.-строит. ин-т, 1995. 172, 128, 193, 151, 202 с.
6. Соловьев Д.Н. Первое пятидесятилетие Петербургской гимназии. СПб.: Тип. 2-го отделения Е.И.В. канцелярии, 1880. 367 с.
7. Панаев И.И. Литературные воспоминания. Л.: Academia, 1928. 547 с.
8. Косачевская Е.М. М.А. Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. 271 с.
9. Ендольцев Ю.А. Благородный пансион при Санкт-Петербургском университете // Санкт-Петербургский университет. 2007. № 2. С. 30–31.
10. Благородный пансион при Санкт-Петербургском университете: воспитатели и воспитанники [Электронный ресурс]. URL: lermontovka-spb.ru (дата обращения: 10.04.2017).
11. Жуковская Т.Н. Архив Педагогического института в Санкт-Петербурге (1804–1819): специфика отражения университетской повседневности // Биографии университетских архивов / под ред. Е.А. Вишленковой, К.А. Ильиной, В.С. Парсамова. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2017. С. 114–164.

12. Рукописный отдел Института русской литературы РАН (РО ИРЛИ РАН). Ф. 488. Оп. 1. Д. 37: Журнал, записки и воспоминания (1817–1820 гг.).
13. Островский О.Б. Судьба народного образования в России 1815–1825 гг. // Вестник Ленинградского университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 4. № 2. С. 7–20.
14. Калинина Е.А. Система народного просвещения на Европейском Севере России в первой половине XIX века. М.: Новый хронограф, 2017. 735 с.
15. Послужной список П.И. Бернарда // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 67. Оп. 1. Д. 89.
16. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1: 1802–1834. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1866. 568 с.
17. Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности: материалы по истории С.-Петербургского университета / ред. С.В. Рождественского. Т. 1: 1819–1835. Пг.: 2-я Государственная тип., 1919. 759 с.
18. Копия рапорта директора по Благородному пансиону // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 982.
19. Копии представлений об определении воспитанников // ЦГИА СПб. Ф. 67. Оп. 1. Д. 69.
20. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1: 1802–1825. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1864. 908 с.
21. Косачевская Е.М. Н.А. Маркевич. 1804–1860. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 285 с.
22. Аурова Н.Н. От кадета до генерала. Повседневная жизнь русского офицера в конце XVIII – начале XIX века. М.: Новый хронограф, 2010. 463 с.
23. Журнал для записывания лекций преподаваемых ученикам... // ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1962.
24. Ведомость об успехах и поведении пансионера Н. Маркевича // РО ИРЛИ РАН. Ф. 488. Оп. 1. Д. 40.
25. Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели. Московский университет в историко-культурной среде XVIII в. М.: Новый хронограф, 2006. 333 с.
26. Журналы Комитета испытаний ГПИ // ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1842.
27. Материалы к запискам Н. Маркевича // РО ИРЛИ РАН. Ф. 488. Оп. 1. Д. 82.
28. Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю. Сальникова А.А. Terra universitatis. Два века университетской культуры в Казани. Казань: Каз. гос. ун-т, 2005. 499 с.
29. Рапорты эконома Басова // ЦГИА СПб. Ф. 67. Оп. 1. Д. 44.
30. Об определении и увольнении инвалидов // ЦГИА СПб. Ф. 67. Оп. 1. Д. 15.

References

1. Disson Yu.A. *Litsei i blagorodnye pansiony v sisteme narodnogo prosveshcheniya Rossii v pervoi treti XIX veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02* [Lyceums and noble boarding schools in the public education system of Russia in the first third of the 19th century. Abstract of the Ph.D. in History Diss.]. Moscow, 2008, 26 p.
2. Disson Yu.A. «Blagorodnaya al'ternativa» rossiyskim universitetam: litsei i universitetskie pansiony v Rossii (konets XVIII – pervaya tret' XIX vv.) [Lyceums and noble boarding schools in the public education system of Russia in the first third of the 19th century]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Questions of the history of science and technology], 2007, no. 4, pp. 125–142.
3. Kobeko D.F. *Imperatorskii Tsarskosel'skii litsei. Nastavniki i pitomtsy 1811–1843 gg.* [The Imperial Tsarskoye Selo Lyceum. Mentors and pupils. 1811–1843]. Saint Petersburg, Tip. Kirshbauma V.F. Publ., 1911, 546 p.
4. Golitsyn N.S. *Blagorodnyi pansion Imperatorskogo Tsarskosel'skogo litseya 1814–1829 gg.* [Noble boarding school of the Imperial Tsarskoye Selo Lyceum 1814–1829]. Saint Petersburg, Tip. O.V. Landsberg (Baksta) Publ., 1869, 345 p.
5. Egorov A.D. *Litsei Rossii. Opyt istoricheskoy khronologii* [Lyceum of Russia. Experience of historical chronology], in 5 books. Book 1: Rishel'evskiy litsey; Book 2: Litsey kn. Bezborodko; Book 3: Demidovskiy yuridicheskii litsey; Book 4: Litsey v pamyat' tsesarevicha Nikolaya (Katkovskiy litsey); Book 5: Imperatorskii Aleksandrovskiy (byvshiy Tsarskosel'skii) litsey. Ivanovo, Ivanov. inzh.-stroit. in-t, 1995.
6. Solov'ev D.N. *Pervoe pyatidesyatiletie peterburgskoi gimnazii* [The First 50th Anniversary of the St. Petersburg Gymnasium]. Saint Petersburg, Tip. 2-go otdeleniya E.I.V. kantselyarii Publ., 1880, 367 p.
7. Panaev I.I. *Literaturnye vospominaniya* [Literary memoirs]. Leningrad, Academia Publ., 1928, 547 p.
8. Kosachevskaya E.M. M.A. Balug'yanskii i Peterburgskii universitet pervoi chetverti XIX v. [M.A. Balugyansky and Petersburg University of the first quarter of the 19th century]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1971, 371 p.
9. Endol'tsev Yu.A. *Blagorodnyi pansion pri Sankt-Peterburgskom universitete* [Noble boarding school at the St. Petersburg University]. *Sankt-Peterburgskii universitet* [St. Petersburg University], 2007, no. 2, pp. 30–31.
10. *Blagorodnyi pansion pri Sankt-Peterburgskom universitete: vospitateli i vospitanniki* [Noble boarding school at the St. Petersburg University: educators and pupils]. Available at: lermontovka-spb.ru (accessed 10.04.2017).
11. Zhukovskaya T.N. *Arkhiv Pedagogicheskogo instituta v Sankt-Peterburge (1804–1819): spetsifika otrazheniya universitetskoj povsednevnosti* [Archive of the Pedagogical Institute in St. Petersburg (1804–1819): Specifics of the Reflection of University Dailyness]. *Biografii universitetskikh arkhivov* [Biographies of the University Archives], E.A. Vishlenkova, K.A. Il'ina, V.S. Parsamov (eds.). Moscow, National Research University Higher School of Economics Publ., 2017.
12. *Zhurnal, zapiski i vospominaniya (1817–1820 gg.)* [Journal, notes and memoirs. 1817–1820]. *Rukopisnyi otdel Instituta russkoi literatury RAN (RO IRLI RAN)* [Hand-written department of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences], f. 488, op. 1, d. 37: *Zhurnal, zapiski i vospominaniya (1817–1820 gg.)* [Journal, notes and memoirs (1817–1820)].
13. Ostrovskii O.B. *Sud'ba narodnogo obrazovaniya v Rossii 1815–1825 gg.* [The fate of public education in Russia in 1815–1825]. *Vestnik Leningradskogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad University named after A.S. Pushkin], 2013, vol. 4, no. 2, pp. 7–20.
14. Kalinina E.A. *Sistema narodnogo prosveshcheniya na Evropeyskom Severe Rossii v pervoy polovine XIX veka* [The system of public education in the European North of Russia in the first half of the 19th century]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2017, 735 p.
15. *Posluzhnoy spisok P.I. Bernarda* [The service record of P.I. Bernard]. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb)* [The Central State Historical Archives of St. Petersburg], f. 67, op. 1, d. 89.
16. *Sbornik rasporyazhenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya* [Collection of orders for the Ministry of Public Education], vol. 1: 1802–1834. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1866, 568 p.

17. *Sankt-Peterburgskiy universitet v pervom stoletii yego deyatel'nosti: materialy po istorii S.-Peterburgskogo universiteta* [St. Petersburg University in the first century of its activities: materials on the history of the St. Petersburg University], S.V. Rozhdensvenskii (ed.), vol. 1: 1819–1835. Petrograd, 2-ya Gosudarstvennaya tip. Publ., 1919, 759 p.
18. *Kopiya raporta direktora po Blagorodnomu pansionu* [Copy of the report of the Director for the Noble Boarding School]. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb)* [The Central State Historical Archives of St. Petersburg], f. 14, op. 1, d. 982.
19. *Kopii predstavlenii ob opredelenii vospitannikov* [Copy of the Representations on the definition of pupils]. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb)* [The Central State Historical Archives of St. Petersburg], f. 67, op. 1, d. 69.
20. *Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya* [Collection of resolutions on the Ministry of Public Education], vol. 1: 1802–1825. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1864, 908 p.
21. Kosachevskaya E. M. *N.A. Markevich. 1804–1860*. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1987, 285 p.
22. Aurova N.N. *Ot kadeta do generala. Povsednevnyaya zhizn' russkogo ofitsera v kontse XVIII – nachale XIX veka* [From cadet to general. The daily life of a Russian officer in the late 18th and early 19th cent.]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2010, 463 p.
23. *Zhurnal dlya zapisyvaniya lektsiy prepodavayemykh uchenikam* [Journal for writing lectures taught to students]. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb)* [The Central State Historical Archives of St. Petersburg], f. 13, op. 1, d. 1962.
24. *Vedomost' ob uspekhakh i povedenii pansionera Markevicha* [A statement about the successes and behavior of boarder Markevich]. *Rukopisnyi otdel Instituta russkoi literatury RAN (RO IRLI RAN)* [Hand-written department of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences], f. 488, op. 1, d. 40.
25. Kulakova I.P. *Universitetskoe prostranstvo i ego obitateli. Moskovskii universitet v istoriko-kul'turnoy srede XVIII v.* [University space and its inhabitants. Moscow University in the historical and cultural environment of the 18th cent.]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2006, 333 p.
26. *Zhurnaly komiteta ispytaniy Pedagogicheskogo instituta* [The journals of the Test Committee of the Pedagogical Institute]. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb)* [The Central State Historical Archives of St. Petersburg], f. 13, op. 1, d. 1842.
27. *Materialy k zapiskam N. Markevicha* [Materials for N. Markevich's notes]. *Rukopisnyi otdel Instituta russkoi literatury RAN (RO IRLI RAN)* [Hand-written department of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences], f. 488, op. 1, d. 82.
28. Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. *Terra universitatis. Dva veka universitetskoy kul'tury v Kazani* [Terra universitatis. Two centuries of university culture in Kazan]. Kazan, Kazan State University, 2005, 499 p.
29. *Raporty ekonomy Basova* [Reports of the Economist Basov]. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb)* [The Central State Historical Archives of St. Petersburg], f. 67, op. 1, d. 44.
30. *Ob opredelenii i uvol'nenii invalidov* [On the appointment and dismissal of invalids]. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb)* [The Central State Historical Archives of St. Petersburg], f. 67, op. 1, d. 15.